

125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. БАЛАКИРЕВА

ДАРОВАНИЕ НЕОБЫКНОВЕННОЕ

15 марта [18] 73.

МНЕ ХОЧЕТСЯ НАПИСАТЬ ВАМ, Милий, несколько слов для того только, чтоб сказать Вам, какое глубокое впечатление произвел вчера в концерте Николая Рубинштейна Ваш «Исламей» не только на меня, но и на всю нашу музыкальную компанию, тут присутствовавшую. Давно уже не слыхав эту удивительную вещь, мы тем сильнее и глубже были ею поражены и, встретившись один с другим в антракте, в один голос трубили Вам «Слава!»...

На днях я печатаю в газетах письмо Листа к Ленцу, где он говорит, что в последнее время узнал некоторые произведения корифеев новой русской музыкальной школы Балакирева, Кюи и Римского-Корсакова и что это такие вещи, которые требуют всякого уважения, похвал и расширения.

12 окт[ября] [18] 78.

ВЫ, КОНЕЧНО, НЕ ВООБРАЖАЕТЕ, какое чудное впечатление Вы произвели вчера на всех нас. Мы еще долго оставались вместе и, кроме небольшой музыки, все протолковали только про Вас. Даже дорогой потом, на улице, не было другой речи. И дело шло у нас не только про то, какой Вы большой художник и что за крупная вещь «Тамара», но еще что Вы за человек и что за двигатель! Бородин не помнил себя от восхищения, Мусоргский тоже... Про себя я уже и не говорю, Вы

ТАЛАНТ И СИЛА И ДАРОВАНИЕ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ, выходящие из ряда вон—так говорил о выдающемся композиторе, дирижере и пианисте Милии Алексеевиче Балакиреве В. В. Стасов.

Музыкальная и общественная деятельность М. А. Балакирева всегда вызывала самые горячие симпатии великого художественного критика. Это он назвал балакиревский кружок музыкантов «Могучей кучкой» и заботливо поддерживал демократические устремления главы новой русской школы музыки.

Отмечая 125-летие со дня рождения М. А. Балакирева, мы впервые публикуем отрывки из адресованных ему писем В. В. Стасова, которые хранятся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Н. ЧЕРНИКОВ,

давно знаете, что такое Вы для меня. Итак, вот видите, как было нужно появиться вновь среди стада, все равно что осиротевшего без своего природного двигателя и пастуха!

2 ноября [18] 78.

ВОЗВРАЩАЯСЯ ВЧЕРА ДОМОЙ, я поневоле много думал о Вашей тяжелой и важной роли в настоящую минуту. Кюи с досадой отрицает, чтоб Вы были теперь глава русской музыкальной школы, а я верую в это больше, чем когда-нибудь, потому что кладете все силы души на то, чтоб пешишь не только о музыке новой русской, но и о музыкантах новых русских. И если все находят ужасно великим подвиг Направника, хлопотавшего о прибавке жалования хористов или музыкантов театра, то насколько же крупнее и значительнее подвиг «капельмейстера», который хлопочет изо всех сил о «при-

бавке капитала» невестственного, душевного и духовного, русских лучших музыкантов наших!

Среда [24 мая 1879], утро.

ВЧЕРА В КОНЦЕРТЕ я, право, словно очумел от восхищения от Вашей «Чешской увертюры». И не я один. Сколько мы вчера про нее толковали и с Лядовым и с Римляниным!!! Да это ведь просто, chef d'oeuvre красоты, силы, энергии и фантазии. И я за чаем у Римлянина публично каялся, что еще так недавно не отдавал ей полную справедливость, сколько, впрочем, ни любил ее всегда. С братом Дмитрием было то же. Точно какая-то парусина свалилась с глаз или юбка отлипла и отлетела прочь. Римлянин говорил, что всегда крепко любил эту вещь, а теперь еще больше ее ценит и обожает. Во время концерта Лядов просто обжирался и опивался каждой нотой. И по-настоящему мы все должны были бы вместо хора из Оберона (E-Dur) пропеть тут же, тотчас «хор царедворцев халифа». Вы наш халиф!!! И так вчера мы это чувствовали!

Когда же Вы кончите «Тамару», когда же создадите еще много других удивительных chef d'oeuvre'ов?! Кому столько дано, должен тоже много дать и не утаить в себе, как дрянной раб. Это долг.

Понед[ельник], 5, 17 окт[ября] [18] 81.

ВЫ СНОВА БЕРЕТЕ БЕСПЛАТНУЮ ШКОЛУ и будете снова дирижировать. Вообразите мою радость, мой восторг, мое восхищение!!! Милий опять на боевого своего коня садится, опять берет меч и бич в руку будить одних, разить других! Великолечно!! На такую роль Римлянин вовсе не был способен, даром что чудесный человек и чудесный музыкант. Надо на то больше «самовара» внутри, которого у него нет, каких он ни есть милейший. Чтб быть «главой» и «запевалой» в чем-нибудь, что надо прежде всего? Огонь, силу, почин. Ни того, ни другого, ни третьего у него нет. И это все чувствовали, и за это все на него нападали, и свои и враги. От этого к нему мало шли. От этого не составилось у него имени с тех пор, как он взял на себя Школу. А у Вас есть и сделалось имя, и сделалась репутация, сделалась слава. Впереди — еще больше, и с каждым годом будет все больше и больше. Садитесь же скорее на великого, боевого коня за искусство и за Россию, и кругом Вас пойдут, аплодируя и помогая, все, что у нас есть лучших умов и сердец.

2 сент[ября] [18] 88.

Я ПЕЧАТАЮ ЦЕЛЫЙ БОРОДИНСКИЙ ТОМИК, где вначале пойдет прошлогодняя моя «биография»... а потом пойдут его письма, которых теперь будет больше 1/2 сотни вместо прежних 8—10. Эти письма — просто прелесть сама по себе, но, сверх того, это настоящая история нашей новой русской музыкальной школы. Тут, чуть ни день за днем, он рассказывает жене, в Москву, как все тогда шло, как встречались «товарищи», как появлялись у них, одно за другим, все их главные сочинения, и что это была за чудная компания! Он никого не хвалит и не расписывает, но сами факты за себя говорят. Я просто пе-

реживаю вновь прежние времена. Вы там занимаете огромное место и коллчественно и качественно. С какой симпатией везде рассказывает про Вас Бородин, просто чудо! Все концерты, Вами дирижируемые, так и проходят снова перед глазами.

10 июня 1893, вечер.

МНЕ, Я ДУМАЮ, НЕЧЕГО МНОГО РАССКАЗЫВАТЬ Вам, как меня обрадовало и восхитило известие о том, что Вы снова принялись за симфонию, и какие я возлагаю на нее упования! Вы авось припомните, как я ее всегда обожал и с каким сердечным трепетом ожидал ее исполнения. Неужели Вы мне ее не покажете осенью, когда, надеюсь, она будет благополучно и великолепно кончена? Как бы мне хотелось тогда же услышать снова и Сонату Листа, так обожаемую мною!!

Помните, сколько раз в своих письмах Бородин сравнивает натуру Листа с Вашей? Сколько он находит у обеих сердечности, горячности, доброжелательства, заботы о других, желание делать другим добро и пользу, но в то же время творить крупные художественные создания, где дышит вся натура автора? Помните, помните?

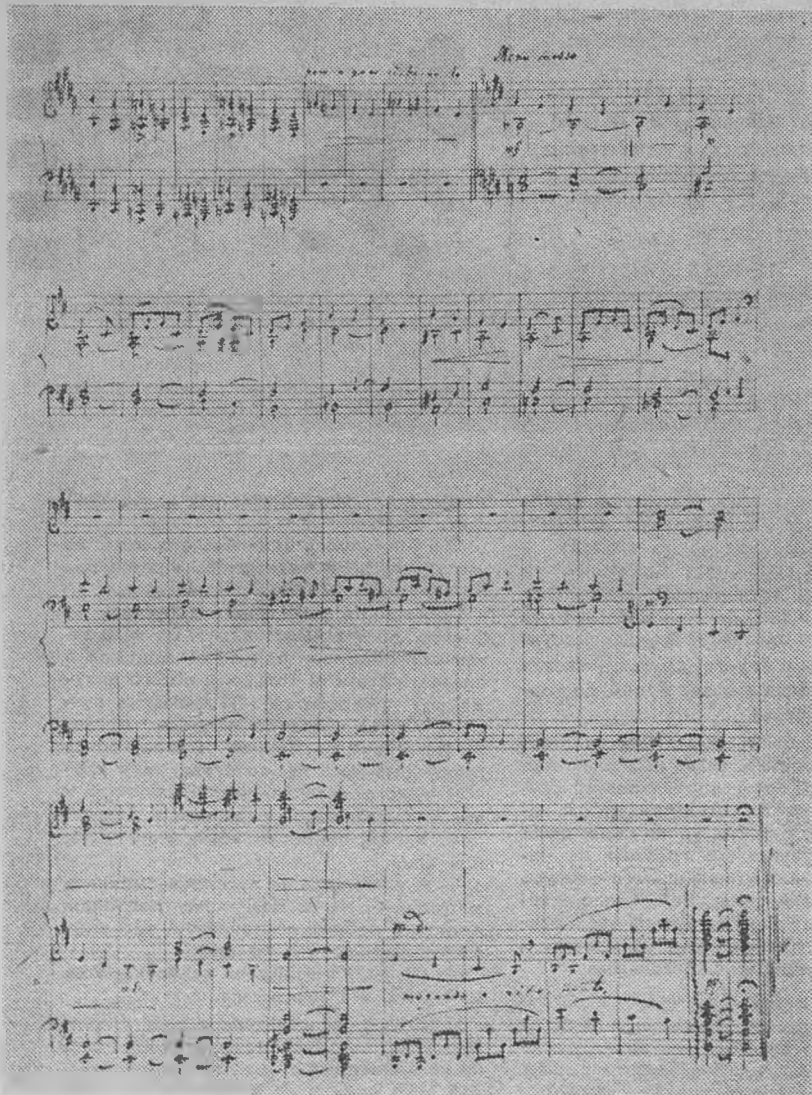
Воскрес[енье], 19 ноября 1900.

ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС с Вашей симфонией — она истинно великолесна, но поздравляю также и себя с тем, что наконец слышал ее в настоящем виде. Прежде она мне всегда нравилась, и я всегда находил в ней множество крупных качеств, но теперь я выслушал ее (на репетиции и в концерте) точно в первый раз и был ею в высшей степени порадован. Свообразие, сила, красота — все в ней есть, и только указывает на то, что «песенка» Ваша не только не слета» до последней ноты, но что их, этих нот, еще лежит в цейхгаузе и в арсенале — еще много, и самых важных! Всяких, должно быть, там еще много: и ядер каленых, и бомб, и картечи, и пули! Значит, им надо скорее на воздух, нечего им лежать понапрасну.

Но, по всегдашней своей привычке и правде и откровенности, я все-таки признаюсь, что не вся симфония целиком меня удовлетворяет и что есть там местечки (впрочем, немногих), которые кажутся мне менее прочных важными и сильными, и это именно те места, которые страдают одним и тем же пороком с «Тамарой». Это именно те места, которые я там называл ситцевыми вставками среди великолепной материи из парчи и глазета. Это все места, не созданные, а придуманные, рассудочные! Конечно, этих мест мало (даже очень мало) и в «Тамаре» и в «симфонии», но они есть. А я ли еще не люблю «Тамару»?!!

Другая моя претензия к симфонии та — зачем она в прежних симфонических, условных (квадратных) формах прежней симфонии, а не в свободных бесформенных формах, открытых и водруженных Листом, а отчасти Бетховеном и Берлиозом? Мне все кажется, что прежние, условные формы должны ступеваться и сойти со сцены, несмотря на то, что в них написаны чудные, великие симфонии Бетховена, Франца Шуберта и Бородина. Ну да что тут много растабарывать! Так или сяк, а Ваша симфония — крупная, удивительная вещь.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится печатный экземпляр фортепьянного произведения Листа «Настойчивый чардаш», изданный в Лейпциге в конце прошлого столетия. Среди печатных страниц вложен рукописный листок, сочиненный М. А. Балакиревым — выдающимся пропагандистом творчества венгерского музыканта. Балакиревский автограф представляет собой оригинальную концовку музыкальной пьесы, созданной Листом.

В обработке М. А. Балакирева получили широкую известность «Думка», «Блестящая мазурка», «Неаполитанская канцона» и другие шедевры Листа, но музыка «Настойчивого чардаша» в редакции замечательного русского композитора оставалась неизвестной до сих пор.

«Неделя» впервые публикует автограф М. А. Балакирева.

А. ЛЯПУНОВА.